

УДК 82-31; 008

Шукуров Дмитрий Леонидович

доктор филологических наук,
профессор кафедры культурологии и литературы
Шуйского филиала
Ивановского государственного университета
dom-hors@mail.ru

Shukurov Dmitry Leonidovich

D.Phil. in Humanities,
Professor of the Cultural Science
and Literature Department,
Shuya branch of Ivanovo State University
dom-hors@mail.ru

Красильникова Мария Юрьевна

кандидат культурологии, доцент,
докторант кафедры культурологии и литературы
Шуйского филиала
Ивановского государственного университета
dom-hors@mail.ru

Krasilnikova Maria Yuryevna

PhD in Cultural Science,
Assistant Professor, applicant for a D.Phil. degree,
Cultural Science and Literature Department,
Shuya branch of Ivanovo State University
dom-hors@mail.ru

**НИЦШЕАНСКИЙ МИФ И КРИЗИС
НИЦШЕАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ
Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО:
НА ПРИМЕРЕ ТРИЛОГИИ
«ХРИСТОС И АНТИХРИСТ» [1]**

**NIETZSCHEAN MYTH AND CRISIS OF
NIETZSCHEANISM IN CREATIVE
WORKS OF D.S. MEREZHKOVSKY:
CASE STUDY OF 'CHRIST
AND ANTICHRIST' TRILOGY [1]**

Аннотация:

Основной целью настоящей работы является обнаружение динамики в восприятии ключевых идей философии Ницше, характерной для русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX столетий, которая представлена на материале романной трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист». Ницшеанская «тема» трилогии рассматривается в контексте кризисологии Серебряного века. Обосновывается, что именно переходный, кризисный характер культуры данного периода послужил основным условием для формирования масштабной мифологизации ницшеанской философии.

На основе герменевтического анализа романов трилогии авторы выявляют ряд стадий, которые представляют собой динамически совокупную модель рефлексии философии Ницше, равным образом приложимую как к индивидуально-авторскому восприятию Д.С. Мережковского, так и, в существенной степени, к сложившейся в Серебряном веке ницшеанской традиции в целом.

Ключевые слова:

Фридрих Ницше, Дмитрий Мережковский, кризис, Ницшеанский миф, «Христос и Антихрист».

Summary:

The aim of the article is to reveal dynamics in interpretation of the key ideas of Nietzsche's philosophy, which was typical for the Russian religious philosophy of the late 19th – early 20th centuries by the case study of D.S. Merezhkovsky's *Christ and Antichrist* trilogy. The Nietzschean theme of the trilogy is considered in the context of the crisis period of the Silver Age of Russian literature and culture. It is proved, that just the transitional, crisis nature of these period preconditioned the widespread mythologization of the Nietzsche's philosophy. By hermeneutic analysis of the *Christ and Antichrist* trilogy the authors distinguish a number of stages, which represent a dynamic general model of meditation on the Nietzsche's philosophy. The model can be equally applied both to the individual original understanding of D.S. Merezhkovsky and substantially to the Nietzschean tradition in general, which emerged in the Silver Age.

Keywords:

Friedrich Nietzsche, Dmitry Merezhkovsky, crisis, Nietzschean myth, *Christ and Antichrist* trilogy.

Рубежные эпохи, как исторические, так и культурные имеют целый спектр общих мест, повторений, констант. Эпоха русской культуры, названная Серебряным веком, не стала исключением в этом ряду. Литературные деятели, художники, философы, просто мыслящие люди интуитивно чувствовали онтологический характер кризиса, в котором все они должны существовать. Именно поэтому в творческих исканиях этого периода преобладает интерес к теме упадка культуры, к проблеме ее преобразования, переосмысления ценностных установок прошлого.

Потребность в новой религии или, лучше сказать, в новом повороте понимания прежних религиозных и культурных ценностей, стала основным направлением исканий большинства литераторов и философов Серебряного века, среди которых весьма объемно вырисовывается фигура Дмитрия Сергеевича Мережковского.

Наряду с кризисологической проблематикой, инициированной общим состоянием самой русской культуры, необходимо говорить и о том грандиозном влиянии, которое оказал на русскую интеллектуальную мысль немецкий философ Фридрих Ницше, развенчавший прежние моральные устои, призвавший к новому видению глобальных проблем бытия. Нематериалисти-

ческая, интуитивно-иррациональная философия Ницше привлекала русский ум своей эмоциональной окраской, именно отсутствие западного «рацио» в изысканиях знаменитого немца более всего сроднилось с русским мироощущением. Глобальные проблемы современного кризиса стали рассматриваться с позиций ницшеанского постулата о спадах, возвратах в прошлое, паузах и провалах в культуре. Увлекает русских философов и сама идея об искусственности понимания истории как прогрессивного процесса: «человечество не представляет собой развития к лучшему, или к сильнейшему, или к высшему, как в это до сих пор верят. Прогресс есть лишь современная идея, иначе говоря, фальшивая идея. Теперешний европеец по своей ценности глубоко ниже европейца эпохи Возрождения, поступательное движение не представляет собою какой-либо необходимости повышения, усиления» [2, с. 634].

Несмотря на всю внезапность, культурные кризисы не могут не иметь определенных предпосылок, для Ницше, эти предпосылки заложены внутри самой культуры, терпящей крах. Так, современный кризис культуры Ницше связывает с «крахом христианского мировоззрения», ставшего на определенном этапе истории основой европейской культуры, потеснив «трагическую» истину досократовских греков. Однако благодаря христианству современное человечество получило возможность понимать античность, то есть, впитав в себя элементы прошлой культуры, христианство пронесло их через два тысячелетия до наших дней. Поэтому, «с уходом первого человечества навсегда потеряет ключи к ее (античности) пониманию» [3, с. 15].

Наряду с этой идеей, в интеллектуальный оборот Серебряного века входит выдвинутая Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки» идея о существовании аполлонической и дионисийской культур, ставшая одной из важнейших идей культурологии. По мнению Ницше, в этих потенциях запечатлены два полюса космического бытия, а поочередное преобладание одной стихии над другой, их противопоставление, взаимовлияние и корреляция захватывает весь ход европейской культуры. И только в единстве этих двух начал заключается возможность гармоничного развития культуры. Согласно ницшеанской концепции, воскрешение такой гармонии может изменить будущее человечества. «Христианский» этап истории человеческой культуры должен смениться новым, когда появится «сверхчеловек» – олицетворение качественно нового мировоззрения.

Эти идеи немецкого философа послужили отправной точкой для теоретических построений целого поколения русских мыслителей, сформировав основу ницшеанского мифа в пространстве отечественной интеллектуальной культуры, одним из проповедников которого и стал Дмитрий Мережковский.

М. Меньшиков пишет об этом: «Как читателям г-на Мережковского известно, этот молодой поэт – ницшеанец и символист; он в русской литературе является самым пылким и чуть ли не единственным проповедником “язычества”. Страстно увлеченный эпохой Возрождения, воскресшими преданиями языческого искусства, будто бы задавленного христианством, г-н Мережковский не может простить последнему этой обиды, и сколько есть у него вдохновения – взывает о восстановлении Олимпа» [4, с. 56]. Действительно, на первых «ницшеанских» этапах Мережковский становится именно низвергателем «прогнивших» ценностей мироустройства. Дальнейшая история диалога мыслителя с ницшеанской философией заключается в обращении к христианству, точнее, к его переоценке, в стремлении соединить в рамках новой религии христианство с язычеством, землю и небо, что в большой степени продиктовано увлечением ницшеанством. Вновь Мережковский обращается уже к Ницше-анархисту, когда в России грянул 1905 г. Лишь после этого, разочаровавшись в идеях «сверхчеловечества», покаявшись за попытку превознести Антихриста, разуверившись и в революционных идеях великого немца, Мережковский отходит от философии Ницше, продолжая свое общение с ним лишь как с оппонентом.

Трилогия «Христос и Антихрист» не стала исключением из общего направления творческих исканий Мережковского, здесь автор обращается к разделенным пространством и временем, казалось бы, не связанным между собой эпохам, общим местом для которых является дух катастрофы. Именно эту особенность Мережковский рисует очень объемно и помещает на авансцене своих повествований, считая «эпохи высшего столкновения Христа с Антихристом» неким моментом истины в мировой истории, он «выбирает для своих произведений эпохи крутого перевала и острого кризиса, состояние мира “меж прошлым и будущим”». Здесь он исходит от тревог современного ему мира, от своего поколения и от себя» [5, с. 243]. Следуя общей логике творческих исканий Серебряного века, он стремится через переработку прошлого найти ответы на ключевые вопросы современности, предвидеть ход истории, ищет возможности выхода из кризиса с помощью создания идеала нового Человека, близкого к ницшеанскому Сверхчеловеку. Обращение к разновременным и географически удаленным эпохам культурного кризиса стало для автора «Христа и Антихриста» символом единства, взаимопроникновения всех составляющих мировой истории.

«Смерть богов (Юлиан Отступник)» (1895 г.) – первый роман трилогии, который насквозь пропитан ницшеанским пафосом, ницшеанскими мотивами. Герой книги – римский император, влюбленный в античную красоту, ненавидит христиан за надругательство над этой красотой. Чуть ли не цитируя Ницше, Юлиан клеймит рабскую христианскую мораль, их трепет перед страданием и смертью. В противовес ущербной религии христиан император предлагает светлый культ живой красоты, счастье на земле, спасительную любовь. Здесь нет места мрачным культам, здесь нет нужды в аскетике, жертвенности, страхе перед темными глубинами потустороннего мира. Человек становится властителем своей судьбы, он волен сам творить мир вокруг себя, он сам становится величайшей ценностью и может создавать свой ценностный порядок. Мир эстетического любования всем сущим делает человека богом.

Без сомнения, этот роман относится именно к первому периоду увлечения Мережковского философией Ницше. Однако уже здесь наблюдается своеобразный отход от радикального ницшеанства. В образе Юлиана уже проглядывают некоторые элементы примирения Христа и Антихриста. Его детские впечатления о Христе совершенно не схожи с тем, что проповедуют галилеяне. Его Христос – добрый пастырь, его Христос – это любовь. Такое восприятие Христа поддерживает и другой персонаж романа – Арсиноя, которая утверждает, что нынешние христиане и есть настоящие вероотступники, ведь подлинный Христос любил жизнь, играл с детьми, наслаждался радостью бытия, он не был мрачным аскетом. Юлианово язычество – это тоже не то язычество, что было до Христа, восстанавливая античные храмы, император, в то же время, запрещает кровавые зрелища римлян, он стремится освободить рабов, а провозглашая культ Диониса, он ищет лишь любви, но не разврата и разгула. Своего героя автор заставляет идти собственным путем, путем исканий Христа истинного, однако на этом этапе поиск не увенчался успехом: ни Юлиан, ни его создатель не нашли определения Христа.

Мережковский терзается противоречиями в определении природы Христа: Богочеловек или человекобог? Антихрист и Христос – два полюса или два тождества? Эти искания наводят на мысль о влиянии ницшеанской концепции «Аполлона и Диониса», которые так же потенциально тождественны, реально противостоят друг другу, но и взаимодополняемы и взаимопроницаемы. Свое отражение эта неопределенность нашла в следующих романах трилогии: «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» (1900 г.) и «Антихрист (Петр и Алексей)» (1904 г.).

Именно в Леонардо Мережковский увидел возможность разрешения проблемы двойственности, да Винчи предстает в романе неким новым Человеком, в котором гармонично соседствуют Христос с Антихристом. Его образ носит в себе некоторые черты Христа, который в то же время прекрасно «ладит» с язычеством: его любовь ко всему окружающему миру неоспорима; его окружают ученики, испытывающие самые разные чувства к мастеру (чем очень напоминают Христовых апостолов); он остается неразгаданным своими современниками; он не стремится к власти; его нельзя упрекнуть в безнравственности, ведь он лично не нарушил ни одной заповеди. Его универсальность вместе с противоречивостью, его открытость вместе с замкнутостью, его общительность вместе с одиночеством и, наконец, его перешагнувшие время мысли и творения – все это составило идеал титанической личности, который искал Мережковский. Тем не менее, Леонардо остается лишь предтечей синтеза христового и антихристового начал (глубоко символическими предстают работа над последним произведением мастера – «Иоанном Крестителем» и завершающие роман слова лишь о грядущем Господе). Весьма трагично выглядит и ситуация с помощником Леонардо, ставшего калекой в результате неудачного опыта с крыльями, примечательно, что имя его – Зороастра (!), это выглядит прямой отсылкой к Ницше и, в то же время, прямым указанием на несостоятельность его философии. Снова читатель сталкивается с переключкой Мережковского и Ницше в сюжете, описывающем работу над «Иоанном», когда Леонардо проникается сознанием того, что Иоанн и Вах, Вах и Христос, Христос и Антихрист – это лишь элементы Единого.

В романе о Леонардо трансформация отношения Мережковского к ницшеанству становится заметней по сравнению с первым романом трилогии: теперь герой перестает быть рупором идей немецкого философа, скорее, его можно назвать воплощением сомнения в правильности ницшеанских постулатов.

Последний роман трилогии «Антихрист (Петр и Алексей)», еще более подчеркнул изменения в отношении автора к христианству и к философии Ницше. Петр I – сверхчеловек, сгусток творческой энергии и воли иногда предстает в романе жесточайшим чудовищем. Его образ становится уже не вместилищем человекобога, но человекозверя, он вообще не вписывается в рамки человеческих представлений о добре или зле, о правде или лжи. А современная Мережковскому критика окрестила такого Петра «неврастеником в декадентском стиле» [6, с. 48]. В его оппозиции – Алексее – отразились смирение и кротость Христа, но, наряду с этим, слабость и бессмысленность самого христианства как церковного установления. Однако выразителем

авторских разочарований в ницшеанской философии ни один из заглавных героев не становится, эта ноша ложится на странника Тихона, который путешествует в поисках истинной религии. Его путь приводит героя в секту, чьи обряды удивительно схожи с поздним дионисийским культом. Это уже не Юлианово царство любви, это гремучая смесь сексуальных утех и ритуальных убийств; такое дионисийство уже не манит автора, соединить или отождествить его с Христом Мережковский теперь считает невозможным. Новое представление автора о будущем человечества связано уже не с Ницше, а с пророчеством о конце времен и царстве Третьего Завета, вложенном в уста старца Иоанна. Роман заканчивается пророчеством о Битве, когда сойдутся силы христовы и антихристовы, когда царство Света одолеет Тьму. Христос и Дионис становятся для Мережковского окончательно разделенными, разорванными и несовместимыми. Именно поэтому после окончания трилогии Мережковский напишет: «Когда я начинал трилогию “Христос и Антихрист”, мне казалось, что существуют две правды: христианство – правда о небе, и язычество – правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд – полнота религиозной истины. Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом – кощунственная ложь; я знал, что обе правды – о небе и о земле – уже соединены во Христе Иисусе. <...> Но я теперь также знаю, что надо было мне пройти эту ложь до конца, чтобы увидеть истину. От раздвоения к соединению – таков мой путь...» [7, с. 6].

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки России.
2. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М., 1990. Т. 2.
3. Покачалов М.В. Проблема кризисов и гибели античной культуры в творчестве русских символистов: дис. ... канд. культурологии. М., 2000.
4. Меньшиков М.О. Клевета обожания (А.С. Пушкин). Мережковский: pro et contra. СПб., 2001.
5. Океанский В.П., Красильникова М.Ю. Типологические очертания проблематики «поворота на Восток» в русской религиозно-философской литературе рубежа XIX–XX вв.: К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. URL: <http://teoria-practica.ru/-11-2012/culture/oceansky-krasilnikova.pdf> (дата обращения: 07.08.2013).
6. Ницше Ф. Указ. соч.
7. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1914.